

ВИКТОРИЯ ВОРОНИНА

ТЕПЕРЬ САМА ВЫХОДИ

ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ

12+

Виктория Воронина

Теперь сама выходи за меня замуж

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Воронина В. А.

Теперь сама выходи за меня замуж / В. А. Воронина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

90-е годы 19 века. Юная Гликерия Кудрявцева получает множество предложений руки и сердца от мужчин при весьма необычных обстоятельствах. И почти все претенденты, разочаровавшись в несговорчивой девице при первом же свидании, отказались иметь с ней дело. Один молодой англичанин, не испугавшись проблемной невесты с загадочной русской душой, продолжил завоевание неприступной красавицы. Независимая девушка раз за разом дает назойливому поклоннику достойный отпор, пока не оказывается в противоположной ситуации...

Глава 1

– Ну, молодой человек, чем же вы все-таки думаете заниматься? – требовательно спросил старый лорд Джон Трентон, герцог Мэритон, строго глядя на внука.

Они вели беседу в роскошном кабинете герцога в особняке аристократического Сент-Джеймского квартала, который своей величием больше напоминал официальную резиденцию премьер-министра, чем частное владение вельможи. В нем проходили важные разговоры, имеющие влияние на судьбы многих людей, и не допускалось никакого проявления вольнодумия. Другие члены семьи, не говоря уже о слугах, стояли перед патриархом рода навытяжку, но Николасу все было нипочем. Ничуть не смутившись пристальным взглядом деда, он вольготно раскинулся на кресле напротив и с легким смешком ответил:

– Я намереваюсь просто жить, милорд! Вы даже не представляете, какое это удовольствие в отличие от ваших скучных бумаг, светских раутов и парламентских заседаний.

Смеялся не только рот Николаса, смеялись его черные глаза, даже руки молодого человека и то весело вздрагивали в непринужденных движениях. Дедушка по-прежнему обращался с ним как с ребенком, но Николас предпочитал больше отшучиваться в разговоре с ним, чем давать выход своему раздражению этим обстоятельством. Герцог даже потупил глаза при виде такого жизнелюбия, не желая поддаваться обаянию этого озорника. Николас был таким с самого детства и всегда все делал по-своему. Казалось, он был рожден исключительно для того, чтобы нарушать все светские правила и приличия. Домашние учителя и преподаватели Кембриджа твердили, что его младший внук чрезвычайно одаренный мальчик, но совершенно лишен необходимого прилежания. Шалости и проказы составляли смысл его существования, прогулы им уроков и лекций были обычным делом. Герцогу с трудом удалось уговорить декана не исключать нерадивого студента из Кембриджского университета, и тот пошел навстречу, поддаваясь авторитету старого аристократа, чье слово имело немалый вес в Палате лордов.

Николас с грехом пополам окончил достойное учебное заведение, и тут выяснилось, что перспективы его будущего вырисовываются весьма смутно, если вообще вырисовываются. Как младший отпрыск семьи Трентонов, он должен был выбрать себе либо духовную, либо военную карьеру, однако ни религиозное благочестие, ни военные лавры его не интересовали. Больше всего Ник любил веселые пирушки в компании таких же беспутных приятелей, как он сам, легкие необременительные связи с красивыми актрисами и карточные игры. Старый аристократ объяснял неумный темперамент Николаса ошибкой собственной молодости. Его угораздило жениться на очаровательной испанской графине Изабелле де Паленсья, с которой он познакомился во время своего итальянского путешествия и брак этот заключенный по страстной любви, принес впоследствии ему много беспокойства и огорчений. Испанскую жену с трудом приняли его родственники и соседи, к тому же Изабелла оказалась чрезвычайно эмоциональной и не могла вписаться в рамки английских сдержанных условностей. Дети – сын и две дочери – характером пошли в нее. Слава богу, его старший внук – светловолосый и бледный Томас – вырос истинным англичанином, пунктуальным, молчаливым, сдержанным, во всем придерживающимся приличий и осторожным настолько, что даже в солнечную погоду он выходил гулять с дождевым зонтиком. Темноволосый и черноглазый Николас же был полной противоположностью Томасу, хотя они приходились друг другу родными братьями, которых герцог Мэритон опекал после смерти их родителей.

Старый аристократ принялся подыскивать непутевому, но втайне горячо любимому внуку богатую невесту, благо, что в Лондоне скоро появилась баснословно богатая американка мисс Энн Морган, прибывшая в английскую столицу специально для поисков знатного мужа с громким титулом. Обаятельный молодой лорд Трентон совершенно ее очаровал своей любезностью и остроумием, и она явно дала понять, что поощрит дальнейшее с ним знакомство. Однако Николас заявил деду, когда тот завел разговор о его женитьбе на этой в высшей степени привлекательной особе, что мисс Морган «скучна, словно унылое ноябрьское утро» и

«заурядна, как воскресный обед наших провинциальных соседей». Уже через год брак с занудливой американкой доведет его либо до запойного пьянства, либо до пули в лоб, и тогда ему уж точно не будут нужны ее миллионы. Герцог Мэритон после разговора все же не оставил надежды достучаться до здравого смысла Николаса, постоянно напоминая, что тому нечего рассчитывать на большое наследство, почти все должно было достаться Томасу за исключением некоторого годового содержания, явно недостаточного, чтобы поддержать привычный для Николаса роскошный образ жизни. Но внук проявил редкое упрямство, а великосветские конкуренты Трентонов и претенденты на миллионы Морганов не дремали, и окружили юную наивную американку повышенным вниманием. Очень скоро предприимчивый маркиз Плейди повел мисс Морган к брачному алтарю. Узнав о сем событии из столичных газет, герцог пришел в ярость и немедленно велел позвать к себе строптивца, упустившего столь завидную партию.

– Вот, что я тебе скажу, дорогой мой. Или ты берешься за ум, или я лишаю тебя содержания, – сурово сказал он. – Тогда ты сам ищи девушку с хорошим приданым, и дай бог, чтобы она обладала хотя бы половиной состояния отвергнутой тобой мисс Морган.

– Давайте, дедушка, лишайте меня содержания, лишайте также и наследства. Все равно я люблю тебя не за финансовую поддержку, а за то, что ты славный старикан! – снова засмеялся шельмец. Ну, ничем его не пробьешь!

Старый герцог ощутил полную растерянность, когда его главный козырь – денежный – оказался битым. К тому же он не знал, как отнестись к словам Николаса – чувствовать ли себя оскорбленным, или радоваться сердечности его тона.

– Имей в виду, Ник, тебе придется самому зарабатывать себе на жизнь, – на всякий случай напомнил он.

– Да, настало время подумать об этом, – легко ответил молодой бездельник, небрежно играя цепочкой своих часов. – Игры кончились, милорд, игры кончились. Я должен доказать, что чего-то стою и потому отправляюсь на Чукотку на следующей неделе.

– Куда? – беспомощно переспросил старик. Ему даже показалось, что он ослышался. Едва ли старый герцог Мэритон помнил это странное географическое название.

– Названное место находится в России, милорд, – просветил его внук. – Мой русский друг Сергей Белогорцев, помните я вам рассказывал, что познакомился с ним в Санкт-Петербурге, когда папа был в нем посланником, стал инженером и сделал мне весьма заманчивое предложение приехать к нему в Ново-Мариинск. Там обнаружили неиссякаемые золотые месторождения, и кто отважится отправиться за ними на другой край света, станет сказочно богатым человеком.

– Даже речи быть не может, чтобы ты оправился в варварское владение варварской страны, – герцог Мэритон пришел в такое страшное волнение, что забыв о предписанной английскими приличиями сдержанности, замахал руками в знак отрицания. – Ник, я не буду тебя лишать содержания, если ты дашь мне слово, что откажешься от поездки к самоедам. Кажется, они еще и людоеды, не так ли?!

– Верно, – весело кивнул головой Николас. Ужас, отразившийся на лице деда, откровенно забавлял его. Герцог Мэритон был весьма представительным аристократом, но расположение земель России представлял себе плохо и частенько путал ее с Северной Америкой. Молодой лорд не упустил случая посмеяться над невежеством любящего его дедушки и добавил: – Всегда мечтал встретиться с людоедами, так сказать, для расширения собственного кругозора.

– Все ясно, Николас, ты никуда не едешь. Чукотка с людоедами – весьма опасное место, – строго произнес герцог Мэритон, не допуская и мысли о том, что младший внук его снова разыгрывает. Он же ведь задал ему серьезный вопрос, на который настоящий джентльмен обязан дать серьезный ответ.

– Увы, дедушка, я уже послал письмо Белогорцеву с утвердительным ответом, – развел руками молодой лорд Трентон. – Мне нужно срочно уехать, пока заботливые маменьки лондонского света, имеющие перезрелых дочерей на выданье, не поймали меня в брачную ловушку. В стратегии и тактике эти особы могут превзойти самого Наполеона, и их я опасюсь куда больше чукотских каннибалов. На последнем рауте в Кенсингтонском дворце графиня Дэррингтон весьма нехорошо на меня посмотрела, откровенно оценивающим взглядом, как на породистого жеребца, выставленного на продажу. Понятно, раньше она отказывалась думать, что на ее дочке может жениться не титулованная особа. Но, поскольку, на ее Мисси герцоги и графы три года не обращают внимания, то простой лорд тоже может для них согдиться.

– Николас, в последний раз говорю тебе – я запрещаю тебе уезжать в Россию, и денег на это безумное предприятие ты от меня не получишь! Дочь Дэррингтонов тоже подходящая для тебя партия, – воскликнул герцог Мэритон. Участь зятя графини Дэррингтон он справедливо считал более лучшей участи послужить обедом для русских дикарей-людоедов, и, пытаясь оставить последнее слово за собой в споре с младшим внуком, покинул комнату, сославшись на запланированную встречу с архитектором, которому желал поручить кое-какие переделки в планировке родового поместья.

Молодой лорд Трентон мечтательно закрыл глаза. В его душе звучала, не умолкая, непреодолимая музыка странствий, зовущая его в дальнюю дорогу. Николас обладал крепким физическим здоровьем, и тяжелый труд старателя не пугал его. Сердце молодого человека охватила жажда приключений; откуда-то появилась уверенность, что на Чукотке он непременно поймает таинственного и чудного оленя вечной охоты – сбывшееся желание. И тогда никто не будет навязывать ему невзрачных девиц с большим приданным – он сам, своими руками сколотит себе состояние. Но задумчивость его длилась недолго. Николас, несмотря на размягчающее влияние окружающей его рафинированной аристократической среды, обладал весьма деятельной кипучей натурой – наследием предков-испанцев – и ему было свойственно безотлагательно искать практические пути осуществления своих замыслов.

– Итак, денег на дорогу нет! Но их можно выиграть, – решительно сказал он и отправился на улицу Пэлл-Мэлл, где располагались закрытые клубы для джентльменов.

Глава 2

Николасу постоянно везло в азартных играх, и деньги на путешествие он выиграл без труда. Подумав, молодой лорд Трентон отверг первоначальный план поездки в восточном направлении и выбрал западный путь, намереваясь достичь Чукотки проездом через Канаду и Аляску. Нанятые сыщики из частного агентства, посланные вслед за ним любящим дедушкой, наверняка попытаются перехватить его на территории европейской России, что вовсе не входило в его планы. И потому следовало сбить их с толку, направившись в противоположную сторону – в сторону Ирландии, до которой можно было легко добраться на рыбацкой шхуне.

В Дублине Николас после покупки билета места в узкой двухместной каюте попал на атлантическое судно «Каролина», которое направлялось в Канаду. В плавании молодой лорд Трентон оказался лишен привычного ему комфорта, но это скорее взбодрило и развлекло его, чем повергло в уныние. От ущемления в виде привычных удобств, в нем будто начали просыпаться скрытые силы, и Николас сознательно начал приучать себя жить неаристократической жизнью, полной лишений, есть простую пищу, обливаться холодной водой, словом быть простолюдином, понимая, что на Чукотке его ожидают еще более суровые испытания.

От природы он был сильным и крепким мужчиной, и этот эксперимент прошел для него успешно, притом, что качка в северных широтах океана была весьма сильной даже в начале осени. Николасу пришлось пережить пару дней морской болезни, пока его организм не привык к плаванию. Но, чем сложнее путь, тем больший ждет тебя успех – с этим боевым настроением

молодой лорд Трентон, вооруженный парой дуствольных пистолетов вступил на землю Северной Америки.

Путешествие через небольшие канадские городки было однообразным и запомнилось ему разве что обилием бобров, населяющих эту северную страну. Зверьки чувствовали себя здесь полновластными хозяевами и смело шныряли по дороге. Дальше, на Аляске, Николас задержался на полторы недели, желая изучить ремесло старателей, ищущих золотой песок. У него даже мелькнула мысль задержаться в приполярном Эльдорадо, но в этом крае развелось столько охотников за золотом, что лорд Трентон быстро понял – на Чукотке он преуспеет гораздо больше. Да и желание увидеться со своим другом Белогорцевым возобладало над стремлением мыть золото.

И молодой англичанин сел в юконском порту на русский пароход «Петр Великий», загруженный огнестрельным оружием, продуктами, галантерейными товарами и случайными пассажирами. На нем он пересек Берингово море, причем судно трясло не в пример сильнее, чем в Атлантике «Каролину», но Николас уже приобрел некоторый опыт дальнего плавания и потому с легкостью перенес новые трудности.

На Чукотке английский путешественник испытал легкий шок, когда капитан парохода во тьме начавшейся полярной ночи высадил пассажиров практически на пустынный берег, застроенный лишь двумя десятками приземистых домов. Он не думал, что этот край настолько безлюдный. Пришлось ему и двум десяткам искателей удачи, которые прибыли вместе с ним, последовать совету капитана «Петра Великого» и нанять несколько чукчей с подводами, чтобы они доставили их в форт Ново-Мариинск. Чукотские олени по свежевывавшему снегу за шесть дней домчали путников до места назначения, и скоро Николас Трентон получил желанную возможность рассмотреть вожденную цель своего путешествия.

Поселение раскинулось на правом берегу реки Казачки у входа в Анадырский лиман, соединяющий реку Анадырь с заливом Берингова моря. Его история насчитывала не полных десять лет, и началась она, когда 9 июня (по старому стилю) 1889 года в лиман вошел клипер «Разбойник». На клипере прибыли чины недавно созданной Анадырской округи г-н Л.Ф. Гриневецкий – начальник округи, его помощник г-н Дмитриев, 12 казаков, а также рабочими были доставлены строительные материалы, продовольствие и другие грузы. Командовал клипером капитан первого ранга Н.П. Вульф. 21 июля 1889 года закончилось строительство первого деревянного дома на косе Александра. А на второй день, 22 июля (3 августа по новому стилю) 1889 года, состоялось освящение дома, над которым был поднят государственный флаг Российской империи и произведен салют из бортовых орудий клипера «Разбойник». Освящение дома пришлось на день именин императрицы Марии Федоровны, что и определило название поселения: Мариинск. Но основатели нового города вспомнили, что в России уже существуют несколько населенных пунктов с таким названием, и постановили именовать его Ново-Мариинск.

Пост был основан невдалеке от старинного чукотского селения Вьен как уездный центр, но рос он медленно. Из-за малочисленности жителей здесь строились в основном казенные и частные торговые склады. Ситуация изменилась с открытием россыпного золота в районе Золотого хребта; в Ново-Мариинск устремились искатели драгоценного песка всех национальностей. Русские власти привечали их, рассчитывая с их помощью заселить пустынный край, и к моменту прибытия Николаса Трентона в поселение в нем насчитывалось две тысячи постоянно проживающих человек. В центре городка величественно высилась над всеми домами православная церковь Святого Николая, но Николаса больше заинтересовал не храм его святого покровителя, а трактир «Тюлень» неподалеку от порта. От его хозяина он узнал, где искать дом инженера Белогорцева, но в указанном месте Сергея не оказалось. Он уехал вместе со своей молодой женой Надей в город Охотск навестить тестя и тещу. Волею случая Николас Трентон приехал в Ново-Мариинск гораздо раньше своего письма, извещающего о его приезде.

Николас решил до приезда друга остановиться в небольшой деревянной гостинице, которая находилась рядом с трактиром. Тем самым он отдавал дань своему аристократическому прошлому: ведь прибывшие с ним товарищи по путешествию предпочли остановиться в домах местных жителей, что стоило им значительно дешевле гостиничного номера. Но молодой лорд был еще не готов ночевать в курной избе и охотно платил за некоторые жилищные удобства.

После краткого отдыха вечером дня своего прибытия Николас отправился в злачное заведение, чтобы познакомиться с местной публикой. На граммофоне, ручку которого время от времени крутил мальчик-половой, дребезжала русская плясовая, в воздухе стоял сизый дым от множества горящих сигарет. Стройного обаятельного англичанина заметили сразу: хозяин трактира Петрович кивнул ему головой словно старому знакомому, будущие старатели сразу позвали его за свой стол. Немец Ганс Келлер, возбужденно жестикулируя, за едой продолжил разговор о том, у кого в Ново-Мариинске можно достать лучшее снаряжение для будущего похода за золотом. Еще на Аляске отважные путешественники купили куртки на меху, зимние шапки, фланелевые нательные рубашки, одеяла и палатки. Печурку, провиант, полозья, ремни и необходимые инструменты было решено приобрести на месте.

– Да, и еще собаки, – напомнил собранию канадец Стен. – Не забывайте, часто решающее значение для успешной экспедиции на севере имеют хорошо обученные, крепкие собаки.

Николас, желая получить эту необходимую информацию, небрежным жестом подозвал к себе хозяина. Петрович с готовностью подошел к щедрому клиенту, и молодой англичанин задал ему вопрос о собаках.

– Здесь лучших собак можно приобрести у Кузьмы Ерофеева, – сразу ответил трактирщик. – Кузьма – знатный собачник, дрессирует щенят даже лучше чукчей. Более выносливых лаек, чем у Ерофеева я не знаю.

Молодой лорд Трентон поблагодарил Петровича за сведения и, когда граммофон уже совсем истошным голосом заорал: «Эх, раз, еще раз, еще много, много раз!» обратил свой взгляд на игорный стол. Его деньги подходили к концу, настала пора пополнить кошелек. Прощупывая возможности местных офицеров и торговцев, игравших против него, Николас начал игру с маленьких ставок. Вскоре он убедился, что партнеры достались ему довольно посредственные, и не обладают ни его сообразительностью, ни ловкостью рук, необходимых для удачливой карточной игры. Через час Николас выиграл не только стопку мятых рублей, но и довольно увесистый мешочек золотого песка. В утешение проигравшим он заказал для всех две бутылки шампанского, и хозяин заведения лично преподнес столь дорогой напиток на подносе щедрому клиенту.

Внезапно любезная улыбка на лице Петровича сменилась гримасой раздражения при виде вновь вошедшего посетителя, и он пробормотал:

– Снова принесла нелегкая Кудрявцева.

Николас, невольно заинтересовавшись такой сменой настроения предупредительного ко всем хозяина заведения, обернулся и увидел пожилого русского офицера невысокого чина с печально повисшими рыжими усами, истрепанного жизнью и вечной нуждой человека в поношенном мундире. Петрович быстро подошел к нежеланному посетителю и негромко, но так, что молодой англичанин слышал каждое слово, сказал:

– Больше в долг водки не дам. Иди, Яков Степанович от греха подальше!

– Но-но, я жалованье получил, право имею, – запротестовал вновь прибывший. Он решительно подошел к игорному столу и, довольно потирая ладони, предложил:

– Ну, господа, сыграем по-крупному? А, Тит Осипович?

– Отчего не сыграть, сыграем, Яков Степанович. Только смотрите, чтобы у вас было чем расплачиваться за проигрыш, а не так как в прошлый раз. Если помните, вы едва ли не по копейке карточный долг отдавали, – неохотно ответил ему торговец мукой.

– Но, но, не дерзи офицеру, – грозно прикрикнул задиристый Яков Степанович и жадно посмотрел на новенького. Николас только пожал плечами в знак согласия.

Яков Степанович залпом выпил стакан водки, поднесенный ему по заказу половым, и игра началась. Вскоре молодой лорд Трентон убедился, что перед ним алкоголик и заядлый картежник. Кудрявцев играл не только бессистемно, но и бездумно, его глаза все больше разгорались лихорадочным блеском, проигранные деньги он отдавал, не считая, и при этом пил алкоголь словно воду. Напрасно Петрович и сотоварищи Кудрявцева по службе пытались, невольно жалея этого пропадающего человека его остановить, – все было тщетно. При нажиме Яков Степанович артачился еще больше. Он был уверен, что вот-вот Фортуна повернется к нему лицом и словно из рога изобилия отсыплет ему крупный выигрыш. Он шумел, заставлял партнеров заново раскладывать карты и угомонился только тогда, когда убедился, что все принесенные с собой деньги им проиграны. Тогда Яков Степанович со всего размаху сел на свой жесткий деревянный стул, и горестные пьяные слезы потекли по его щекам. Николас, потеряв к нему интерес, начал спокойно считать выигранные деньги, а трактирщик, подойдя к рыдающему Кудрявцеву, укоризненно произнес:

– Что, Яков Степанович, добился своего? Говорил же я тебе, говорил, – не послушался ты меня. Ну, иди теперь домой, все равно тебе играть больше не на что.

– Как это не на что? Я Лику поставлю на кон! – Кудрявцев снова вошел в раж и громко возвестил: – Господа, кто хочет жениться? Моя дочь-красавица против ваших десяти тысяч рублей. На меньшую сумму я не согласен.

Трактирщик только безнадежно махнул рукой. Разговоры сразу умолкли, а Николас быстро поднял голову, забыв о деньгах. Зато он вспомнил, что у него давно не было женщины. И если что и ценилось на суровом Севере больше золота и денег, то это были представительницы слабого пола, которых так остро не хватало европейским поселенцам. В Ново-Мариинске на две тысячи мужчин приходилось едва ли более ста женщин, да и то половина из них были туземками. А тут представилась возможность заполучить – верх всех мечтаний – красивую белую девушку в постель. Непреодолимый соблазн, и Николас решился поставить на этот кон весь свой сегодняшний выигрыш. Вместе с ним на дочь Кудрявцева захотели играть несколько его товарищей по путешествию. Их глаза заранее загорелись похотливым блеском, а дыхание стало прерывистым от соблазнительных мысленных картин. В отличие от них молодой англичанин, настроенный на победу, стал еще более хладнокровным и неторопливым. Как победитель сегодняшней карточной игры он получил право раскладывать карты, и его цепкая память подсказала ему, как разложить карты, чтобы козырный туз очутился у него. Николаса не смущало, что, по сути, он использовал шулерский прием – ставка была уж очень велика. Фортуна любит отчаянных и немного наглых молодцов!

Первым из игры выбыл незадачливый отец невесты. Кудрявцев даже не расстроился своим грандиозным проигрышем, поскольку к этому моменту оказался пьян настолько, что откинулся на спинку своего сидения и захрапел. За ним вышли из игры еще два участника. Основная схватка разыгралась между Николасом и канадцем Стеном, но Ник побил-таки его козырную даму своим козырным тузом и сорвал ва-банк. Все присутствующие бурно зааплодировали лорду Трентону: играл он красиво и его выигрыш производил впечатление подлинного произведения искусства. Разгоряченный под конец игры молодой англичанин с благодарной улыбкой поклонился публике и вручил Петровичу на хранение свой материальный выигрыш, собираясь посмотреть на свой главный приз. Ему не терпелось убедиться, действительно ли будущая леди Трентон красива, как говорил о ней ее отец. Вообще-то он был готов примириться с некоторыми недостатками своей избранницы, поскольку при такой нехватке женщин ими не приходилось перебирать. «В крайнем случае, если я не уживусь с русской леди, то я с нею разведусь», – философски подумал Николас, отправляясь на встречу со своей судьбой. О чувствах своей предполагаемой суженой он не задумывался. Молодой обаятельный лорд

Трентон всегда пользовался большим успехом у женщин, и ему в голову не могло прийти, что русская провинциалочка его отвергнет.

Глава 3

В то время как шла крупная игра за обладание рукой самой привлекательной невесты Ново-Мариинска, сама невеста, Лика Кудрявцева, тряслась как осиновый лист от холода в своей постели. Снаружи мороз давно перевалил за тридцатиградусную отметку и уверенно подбирался к сорокоградусной. В доме же Кудрявцевых сэкономили на отоплении, и тепло еле добиралось до второго этажа, где находилась спальня Лики. Девушка надела на себя теплое шерстяное платье, две вязаные кофты, завернулась в старое осеннее пальто и сама себе казалась толстой цибулей, закутанной в сто одежек, которые не спасали ее от холода. Мало помогла большая грелка с горячей водой (очень быстро она остыла в холодном помещении) и меховое одеяло. Лика клацала зубами, надеясь на то, что ей все же удастся уснуть. Она быстро управилась с домашними делами, и рано, экономя свечи, легла спать. Но сон не шел также из-за беспокойства, которое ей причиняло отсутствие отца. Ей не хотелось думать, что он снова пошел в трактир, ведь два месяца назад, после крупного разноса, который она ему устроила после очередной пьянки, он поклялся ей, что больше в рот не возьмет ни капли водки. Также она волновалась из-за отсутствия поваренка Илюши. Постреленок в такой мороз выскочил к своим друзьям-товарищам и до сих пор не вернулся домой. Если об этом узнает его бабушка Варвара, достанется же ему на орехи. Она хоть любила внука, однако держала его в строгости. Но хоть бы не замерз!

Время шло и надежда Лики на то, что отец придерживается своего благоразумного обещания, таяла все больше. Пьянство отца, а также его болезненное пристрастие к карточной игре стало причиной всех несчастий в ее семье. Именно из-за них Якова Степановича выгнали со службы в городе Охотске, и только многочисленные просьбы и хлопоты ее несчастной матери способствовали тому, что начальство, пусть и неохотно, предоставило место унтер-офицера запойному пьянице в полярном поселении Ново-Мариинске – там отчаянно не хватало людей.

Лика помнила, как заплакала от отчаяния ее мать, когда они после многодневных дорожных мытарств наконец добрались до места. На многие мили от поселения не было ни одного деревца – один сплошной снег вокруг. Ново-Мариинск только начал строиться, и немногочисленные дома прижимались друг к другу, словно одинокие солдаты, крепко сплотившиеся перед лицом превосходящего противника. Каждый прожитый день на Чукотке был для русских переселенцев маленькой победой над арктической тьмой, морозом и смертью.

Суровый климат окончательно подорвал здоровье хрупкой матери Лики. В тундре могли выжить только чрезвычайно выносливые переселенцы и Прасковья Алексеевна, подхватив воспаление легких, скончалась уже на второй год пребывания в Ново-Мариинске. Одиннадцатилетняя Лика перешла на женское попечение кухарки Варвары и вместе с нею пыталась свести концы с концами при вечной нехватке денег. «Усиленное» за полярное место службы жалование Кудрявцева составляло всего семьдесят шесть рублей, и жить на него нужно было пятерым – самому Якову Степановичу, его дочери Лике, денщику Мирону, а также кухарке Варваре с малолетним внуком. Лика уже в отрочестве принялась учиться тому, чтобы прокормить себя и слуг, поскольку даже скудное отцовское жалование до них частенько не доходило, оседая в карманах карточных игроков и в трактирной кассе. Она вместе с Варварой лепила пельмени по заказу трактирщика Петровича, шила на продажу меховые рукавицы и помогала собачнику Ерофееву дрессировать щенят для езды в нартах. Домочадцы Кудрявцева в основном жили на ее заработки – если Лике не повезло с беспутным отцом, то ей повезло с односельчанами, которые из сочувствия помогали юной барышне, и давали ей возможность заработать, всегда подставляя ей свое надежное плечо для поддержки. Жизнь на Севере была весьма сурова даже для

самых крепких и сильных людей, но действовало на нем одно неписанное правило – если есть возможность, непременно помоги тому, кто рядом с тобой. Только взаимная выручка помогала русским поселенцам выжить в вечно холодной тундре. Кудрявцев еще сохранял остатки стыда и совести, и никогда не посягал на деньги дочери.

Поначалу Лика мечтала как можно скорее вырасти и заняться самостоятельным предпринимательством. Ей казалось, стоит ей стать взрослой так все ее детские беды окажутся позади. Но когда она достигла совершеннолетия в шестнадцать лет, на ее голову посыпались новые, непредвиденные несчастья. Яков Степанович смекнул, что красота его юной дочери представляет собою отнюдь немаленький капитал, и в болезненном азарте карточного игрокаманьяка начал ставить ее на кон приезжим проходимцам, когда у него заканчивались деньги за игорным столом. А Лика совершенно не хотела выходить замуж. Верная Варвара говорила ей по поводу мужских заигрываний следующее: «Если у бабы есть ум в голове, она будет смотреть не на смазливую физиономию, а на основательность мужчины. Бог создал брак мужчины и женщины для рождения детей, а не для похоти. О детях надо думать, а не об любошах всяких. Дети родятся, их надо кормить, поить, одевать, учить, вот тогда-то пригодится основательность мужа, а не то, что маменька твоя соблазнилась Яковом Степанычем. «Орел! – с восторгом говорила она, – за ним хоть на край света!». Так оно и получилось, сидим мы на краю света, маменька твоя в мерзлой могиле, а ты, дитяtko, ни в чем не повинное, постоянное терпишь во всем нужду и пьянство отца твоего окаянного!».

Лика была во всем согласна со своей мудрой советчицей, да только не видела она вокруг себя такого «основательного» мужчину, которому во всем можно было бы довериться. Мало-помалу девушка пришла к такому решению: не выходить замуж, а стараться быть хозяйкой собственной судьбы. При мысли о том, что ее будущий муж тоже может оказаться алкоголиком и картежником ей заранее хотелось быть голодной волчицей и без оглядки кинуться в прорубь с головой. Нет, своим детям она не желала повторения своей участи, и претендентов на ее руку, которым ее проигрывал незадачливый папаша, Лика научилась виртуозно отваживать, уродуя свою женскую привлекательность и используя свой ум и изворотливость. Хорошо еще, что в Российской империи было отменено крепостное право, иначе бы она стала бесправной крепостной рабой у выигравшего ее игрока, а не невестой, с которой приходилось считаться. Разочарованные женихи возвращались к Кудрявцеву с требованием вернуть карточный долг в денежном виде, и тогда уже приходилось изворачиваться Якову Степановичу. Он тратил семейные сбережения, занимал в долг, отдавал деньги в рассрочку, удовлетворяя своих победителей, и Лика благополучно дожила до девятнадцати лет в счастливом девичестве. Только один раз ей не помог безобразный маскарад, и чрезмерно похотливый казак попытался ее изнасиловать. Тогда Лику спас молодой инженер Сергей Белогорцев. Он прибежал на ее крики с двумя рабочими, которые помогали ему строить верфь, скрутил насильника и после добился у градоначальника Гриневецкого высылки расхоронившегося казака. Лика затаила чувство горячей признательности к Белогорцеву, и только к нему из всех знакомых ей молодых мужчин она испытывала теплые чувства. Девушка свела короткое знакомство с Сергеем и его молодой женой Надей, и эта дружба являлась одной из немногих радостей в ее полной трудностей и печалей жизни.

Мороз крепчал, и Лика почувствовала, что она больше не выдержит мучительного лежания в дышащей холодом спальне. Пришлось пренебречь своим авторитетом у слуг, и, презрев сословное дворянское достоинство, идти ночевать на кухню. Но, положив руку на сердце, она могла сказать, что близкое соседство спящей Варвары, самого близкого и родного ей человека, было ей приятно и желанно.

Девушка тихо спустилась в кухню, и красноватый отсвет мигающего за печной заслонкой огня наполнил ее сердце блаженством. Денщик Мирон спал на лавке возле печи, и Лика, стараясь не шуметь, полезла на печь. В полутьме она различила толстое тело мерно дышащей

Варвары на лежанке и хотела пристроиться рядом. Но ее осторожность не помогла, кухарка зашевелилась и спросонья спросила:

– Лика, это ты?

– Да, – шепотом отозвалась Лика. – Тише, Варвара, Мирона разбудишь.

Но Варвару волновал не сон денщика, а отсутствие внука.

– А Илья-то мой где? Неужто еще не вернулся? – громко проговорила она, обводя печь беспокойным взглядом.

Как бы в ответ на ее слова, курносый постреленок вбежал в помещение, не скинув шубы, и, узрев на печи Лику, одним духом выпалил:

– Гликерия Яковлевна, Гликерия Яковлевна, а ваш папенька опять вас в карты проиграл!

Сообразительный мальчуган выбрал удачный способ отвлечь внимание бабушки от своей персоны этим известием.

– Святые угодники, снова Яков Степаныч сбился с пути истинного, – сокрушенно заохала пожилая женщина, совсем позабыв о том, что она собиралась задать внуку взбучку за продолжительное отсутствие. А Лика ощутила самое настоящее отчаяние от слов мальчика. Они означали для нее потерю отцовского жалованья, утрату тех скудных сбережений, которых ей удалось с большим трудом накопить, а также неприятную встречу с неприятным субъектом, который будет домогаться ее тела.

– Антошка говорит, что тот игрок, который выиграл барышню – английский лорд! – поведал Илюша, явно гордясь своей осведомленностью. – Он страсть как горит желанием познакомиться с Гликерией Яковлевной и уже идет сюда.

– Да уж, наврет твой Антошка с три короба, – презрительно отозвалась кухарка, ничуть не веря маленькому конопатому плуту, приятелю Илюши. – Наверняка он проходимец, этот англичашка. Такие присвоят себе кучу титулов, а заодно и кошельки доверчивых простофиль. Что в нашем захолустье делать настоящему лорду?!

От слов правдивой Варвары Лике стало еще горше. Час от часу нелегче – счастливый игрок, имеющий на нее права – аферист и самозванец – и к тому же его надо ждать с минуты на минуту.

– А где мой отец, Илюша? – спросила она, лихорадочно стараясь сообразить, как справиться с очередной опасностью, угрожающей ее хрупкому житейскому благополучию.

– Яков Степаныч напился и остались в трактире, – с готовностью ответил Илюша.

– Надо бы его привести сюда, – пробормотала Лика.

– Правда, а то еще завалится пьяный в сугроб и замерзнет, – всполошилась Варвара и начала трясти сонного денщика: – Мирон, Мирон.

– Ась?! – вскинулся сонный мужчина.

– Идем к трактиру, нужно барина привести домой, – решительно произнесла Варвара. – Илюша, ты понесешь фонарь.

Мирон, привычный к таким встречам пьяного хозяина, без лишних слов начал, кряхтя, натягивать на свои ноги валенки. Мальчик же принес из чулана фонарь с горящей свечкой внутри и скоро слуги торопливо вышли на улицу, спеша исполнить неприятную обязанность – привести домой загулявшего барина. О молодой барышне они не слишком беспокоились, зная, что она умеет справляться с неприемлемыми кандидатами в ее мужа, а вот участь мало что соображавшего от выпивки Якова Степановича внушала им серьезные опасения.

Лика осталась одна и начала быстро готовиться к приходу незваного гостя, поклявшись про себя сделать все возможное, чтобы и этот нежеланный жених навсегда забыл дорогу к порогу ее дома.

Едва она привела себя в надлежащий беспорядок, как в дверь кухни негромко, но уверенно постучали.

Глава 4

Сердце Лики замерло, словно у пойманного воробья, но она превозмогла себя и громко крикнула:

– Войдите!

Пригласив в кухню незваного гостя, она тут же поспешно сунула за щеки два грецких ореха, которые искажали изящную линию ее щек и портили голос, делая его гнусавым и невнятным.

Николас, предвкушая упоительную встречу с хорошенькой девушкой, быстро вошел в полутемную кухню и тут же почтительно снял перед дамой свою большую ушастую шапку из меха белого полярного волка. Он с трудом разглядел сидящую на лавке за столом возле печи Лику, и неуверенно спросил:

– Глика Яковлевна?!

– Она самая, – сдавленно пробасила ему Лика.

Молодой англичанин несколько удивился басовитому тону своей предполагаемой невесты, несвойственным юной девушке, но посчитав, что он ему послышался, сказал, любезно улыбаясь:

– Мисс Глика, моя имя – Николас Трентон. Прошу простить меня за несколько позднее вторжение, но мне так не терпелось увидеться с вами, что я осмелился нарушить ваш ночной покой. Дело в том, что ваш батюшка не против того, чтобы мы с вами сочетались узами законного брака, и если вы сообразоволяете согласиться стать моей супругой, то весьма обяжете меня оказанной честью.

Лика молчала, внутренне готовясь к своему коронному выступлению. Молодой лорд подумал, что она недостаточно хорошо поняла его, хотя он свободно говорил по-русски, прожив в детстве несколько лет в Санкт–Петербурге, и терпеливо повторил свое предложение. К его изумлению девица разревелась белугой. Слезы полились на ее пухлые щеки, грозя затопить собой всю комнату, а затем она и вовсе начала причитать, покачивая своим телом взад-вперед:

– Ох, бедная я, несчастная! Еще один мужчина покушается на мое целомудрие, на мою девственность – единственное богатство бедной девушки без всякого приданого. Видать батюшка снова проиграл меня, да???

– Это так, – был вынужден подтвердить Николас, хотя он предпочел бы из деликатности не затрагивать эту тему. – Но, послушайте, милая Глика, что вы так убиваетесь? Я намерен стать вам хорошим заботливым мужем.

Видя, что ее истеричное поведение не оказало должного впечатления на английского афериста и не отвратило от нее, Лика повернулась к столу и усилила огонь в керосиновой лампе. Опешивший лорд Трентон увидел самую неухоженную, неопрятную и чумающую девицу в своей жизни. Лика основательно приготовилась к встрече с ним, надев старое засаленное платье, грязный кухонный фартук и огромный рогатый чепец своей бабушки, предварительно взлохматив, как у старой ведьмы, свои пышные рыжие волосы. Зрелище обычно получалось незабываемым, а устрашающий рогатый чепец производил действие контрольного выстрела на искателей ее руки, убивая в них всякие любовные желания. Когда же Лика для усиления эффекта вытащила большой мужской платок, который ее отец залил чернильными пятнами, и шумно высморкалась в него, причем не нежно, по-девичьи изящно, а со всей силой, Николасу захотелось провалиться сквозь землю от неловкости. От сокрушительного разочарования у него даже потемнело в глазах. Никогда еще он не попадал в столь затруднительное и глупое положение. Даже невзрачная, отвергнутая им Энн Морган рядом с этой замарашкой воспринималась эталоном женской красоты. Теперь молодой лорд Трентон думал только об одном, как бы ему отвертеться от собственного сватовства.

Лика, угадав по выражению его лица, какие чувства его волнуют, жалобно протянула:

– Мистер Трентон, если вы настаиваете на свадьбе, то я согласна удовлетворить ваше желание, хотя моя девственность, мое единственное богатство дороже мне всего на свете!

– Милая мисс Глика, не волнуйтесь, – ваше единственное богатство бедной девушки будет находиться в целостности и сохранности, и я не собираюсь отнимать его у вас, – поспешно отозвался Николас, начиная понимать, почему эта девица до сих пор не замужем, проживая в поселке, где почти не было женщин. Уж слишком она напоминала воплощенный кошмар любого жениха! – Я передумал посягать на ваше достояние, если оно вам так дорого, даю вам слово.

– Но мой отец проиграл меня, он же должен будет вернуть вам немалую сумму денег, – снова жалобно прохныкала Лика.

– Успокойтесь, я не буду требовать возвращения долга, – предупредительно отозвался Николас, невольно жалея уродливую и не блещущую умом бедняжку, которой явно не повезло в жизни. – И другие мужчины не будут беспокоить вас, ведь ваш отец проиграл вас мне и утратил на вас всякое право.

В восторге от того, что все для нее так удачно складывается, Лика радостно воскликнула:

– Вы поистине благородный человек, мистер Трентон! Дайте я вас поцелую!

– Нет, не надо меня целовать!!! – быстро сказал Николас, поспешно отстраняясь от этого нелепого создания, которое уже протянуло к нему руки. – Мне достаточно вашей словесной благодарности, мисс Глика. Всего вам доброго.

И он ушел из кухни дома Кудрявцевых так поспешно, как только позволяли приличия. Лика с облегчением выплюнула изо рта надоевшие ей орехи, беспрерывно наполняющие ее рот вязкой слюной, что производило дополнительное отталкивающее впечатление на ее недавнего посетителя, и быстро поднялась вверх за подушкой для отца. Мирон в одиночку не мог дотащить отяжелевшего пьяного Якова Степановича в его спальню, располагавшуюся на втором этаже, и ему приходилось укладывать хозяина на сундуке в углу возле печи. Также она захватила меховое одеяло для согрева беспутного родителя.

Скоро слуги, пытая от натуги, ввели Кудрявцева в кухонное помещение. По дороге домой ум у Якова Степановича несколько прояснился и он, смутно вспомнив о ждущей его дочери, попытался показаться трезвым человеком. Он даже пытался петь и затянул тонким прерывистым голосом что-то из песни «Гуляет по Дону казак молодой!», без конца отмахиваясь от кухарки и денщика, которые мешали его вдохновенному выступлению. Мирону и Варваре то и дело приходилось ловить беспокойно двигающиеся руки Кудрявцева, распространяющего вокруг себя запах водочного перегара, и они с горем пополам довели его до цели путешествия – большого спального сундука. Лика, расстроенная этим постыдным для ее семьи зрелищем, помогла им уложить вдруг захрапевшего отца на импровизированное ложе, и укрыла его одеялом. Один Илюша был в восторге от всего происходящего. Возвращение пьяного барина домой всегда представлялся ему изрядным развлечением, и он, затаившись за кухонным столом, наблюдал, возбужденно блестя глазенками, как укладывают спать красного как рак и ничего не соображающего хозяина, стараясь запомнить все подробности, чтобы рассказать их своим друзьям, таким же мальчишкам-шалопаям, как и он сам.

Управившись с барином, Мирон взглянул на юную хозяйку и присвистнул:

– Ну и видок у вас, Гликерия Яковлевна! – хохотнул он. – В прошлые свиданья вы были сущим пугалом огородным, а на этот раз и вовсе себя превзошли. Как это еще жениха кондрашка нехватила на месте?!

– Не свисти в доме, Мирон, денег не будет, – недовольно одернула его Варвара и спешно спросила у барышни: – Ну как, Гликерия Яковлевна, отстал от вас басурман?

– Отстал, – безразличным тоном ответила ей Лика. – Устала я что-то очень, Варвара.

– Оно-то немудрено, столько потрясений за один вечер пережить, – захлопотала вокруг нее преданная кухарка. – Ложись сразу спать, голубушка.

Ли́ка подчинилась ее заботливым рукам, и едва ее голова коснулась подушки, она сразу уснула.

Утром девушка встала с твердым намерением поговорить с отцом по поводу его недостойного поведения, но Яков Степанович чувствовал себя так плохо от похмелья, что она на день отложила этот разговор. Мирона послали в военный лагерь сообщить, что офицер Кудрявцев по болезненному состоянию своего здоровья не может нести службу. Начальник Якова Степановича капитан Скворцов ничуть не удивился этому сообщению – нерадивый офицер «болел» почти каждый раз, когда получал жалованье, но на этот раз его терпению настал конец и он сделал строгое предупреждение, что впредь не допустит таких отлучек своего подчиненного и выгонит его взащей.

И, едва Яков Степанович оправился от последствий своего трактирного гуляния, Ли́ка сообщила ему о намерениях Скворцова уволить его, вместе с упреками за нарушенное обещание больше не пить и не играть в карты.

– Доча, не сердись, – лицо Якова Степановича жалобно сморщилось. – Ты же знаешь – горе у меня! Мамка твоя померла, и я заливаю свою печаль горькую проклятой водкой. Только она меня спасает и дает отрадное забытье горестной потери.

– Мама уже восемь лет как умерла, батюшка! Пора бы вам оставить ее дух в покое и не тревожить своими бесчинными выходками, – язвительно, не сдержавшись, сказала ему Ли́ка.

– Цыц, Ли́ка!!! Не дерзи отцу! – громогласно воскликнул Кудрявцев. – Яйца кур не учат, и я пил, пью и буду пить! Жизнь такая!

Сказав эти слова, Яков Степанович воинственным петухом вылетел из комнаты и, одевшись в зимнюю шинель, поспешил на службу. Хотя он всячески хорохорился, предупреждение начальства о грозящем ему увольнении достаточно сильно напугало его, и он больше не мог позволить себе прогулов.

Ли́ка после ухода родителя не выдержала и разрыдалась. Будущее представлялось ей настолько безотрадным, что она не видела ни конца своего унылого существования, ни спасения от произвола отца. Несчастье всей ее жизни заключалось в том, что хотя она опекала его как ребенка, юридически он имел полное право распоряжаться ее судьбой, и закон был на его стороне, как бы ему не вздумалось поступить с нею.

Глава 5

Душевная боль от нового предательства отца оказалась так велика, что Ли́ка направилась в церковь за утешением. Когда ей становилось особенно тяжело, и уныние овладевало ее душой, она обращалась к отцу Василию и священник, несмотря на свою молодость умел подыскивать слова, которые приносили ей временное облегчение и уверенность в завтрашнем дне.

Бесконечная полярная тьма постепенно стерла различия между днем и ночью, солнце лишь изредка восходило над горизонтом, наполняя поселение неясным сумеречным светом, но звон церковных колоколов, призывавших к очередному богослужению, исправно напоминали жителям Ново-Мариинска о времени утра и вечера. Ли́ка пошла на вечернюю службу и, поставив горящую свечку напротив большой иконы святого Николая, принялась усердно молиться ему и просить сотворить чудо – исцелить ее отца от недуга пьянства и прочих пороков, а также поддержать ее в жизненных трудностях. Когда служба закончилась, священник подошел к ней и мягко спросил, с сочувствием смотря на слезы, бегущие из ее глаз:

– Видать, новая забота омрачила твою душу, Гликерия?

– Да, батюшка, – всхлипнула девушка. – Сил моих больше нет. Снова отец напился, проиграл свое месячное жалованье и меня в придачу! Я так надеялась позавчера, что удастся расплатиться хоть с частью долгов, и все напрасно. Даже не знаю, как дальше жить.

– За тьмой всегда следует свет, за ночью – день, за горем – радость! – внушительно сказал отец Василий. – Бог посылает нам трудности и испытания, желая преподать урок нашим

душам, внушить необходимые истины. И только когда мы достойно воспринимаем невзгоды, не допускаем в свою душу ненависти и озлобления, беды отступают от нас. Крепись, Гликерия. Яков Степанович – это твой крест, носи его со смирением. Люби и почитай отца твоего, и бог вознаградит тебя за труды. Тот, кто много любит – многое вынесет и стерпит. Молись Матери Божией и святому Николаю, они управят, – и скоро бог услышит тебя, наступит облегчение. Главное – не пускать в свою душу уныние, верь в милосердие божье.

Лица поцеловала священнику руку, и тот размашисто перекрестил ее, благословляя. Из церкви девушка вышла несколько ободренная, а великолепное полярное сияние, воссиявшее над звездами всеми цветами радуги, окончательно утешило ее. Лица часто мечтала заработать много денег и покинуть постылый чукотский край с его вечной мерзлотой. Но стоило ей увидеть величественный пожар холодных огней на ночном полярном небе, как это зрелище завораживало ее настолько, что она была готова часами, замерев, рассматривать его и тогда удивительная любовь к сверкающему алмазным блеском Северу охватывала всю ее душу.

Но повседневные дела и заботы призывали ее вернуться на грешную землю. Вздохнув, Лица опустила глаза и пошла в сторону торговой лавки Демьяна Волкова, торгующего галантерейными, а также некоторыми косметическими и табачными изделиями. Как ни старалась она экономить белые нитки, старое ветхое белье часто приходилось штопать, и возникла необходимость приобрести еще пару мотков. А в доме Кудрявцевых после того как Яков Степанович пропил свое жалованье воцарилась отчаянная нужда. Лица написала родственникам матери в Иркутск письмо с просьбой о денежной помощи, но ответа нужно было ожидать полгода, не говоря уже о деньгах.

Торговая лавка Волкова располагалась недалеко от церкви, но метель намела большие сугробы и Лица двигалась медленно, то и дело пробираясь через завалы снега. В позднее время прохожих на улицах было мало, у Волкова вовсе не оказалось покупателей. Но торговец встретил малоимущую покупательницу нелюбезно.

– Что, Гликерия Яковлевна, долг принесли? – мрачно спросил он, сурово глядя на нее из-под косматых бровей. – Обещались же отдать, когда ваш папенька жалованье получит.

Лица сделала глубокий вздох, призывая на помощь всю свою дипломатическую изворотливость и природные актерские способности.

– Демьян Капитонович, прошу вас, дайте еще отсрочку и белые нитки в долг, – несмело попросила она, умоляюще глядя на собеседника. – Денег сейчас нет, а шить нужно.

Вместо ответа Волков достал толстую амбарную книгу и показал Лице, сколько она брала товару у него в долг. Сумма выглядела внушительно двузначной в рублях и угрожала стать трехзначной. При таком положении вещей просить о новом долге было верхом наглости, но у Лицы не было иного выхода, и она снова начала молить Демьяна Капитоновича об одолжении, пуская в ход очаровательную женскую улыбку и нежный взгляд прозрачных серых глаз. Такой ее увидел при свете двух горящих фонарей Николас, когда зашел в лавку купить папиросы и спички к ним. Поразительная красавица с выбивавшимися из-под песцовой шапки золотистыми локонами с рыжеватым отливом трогательно просила хозяина лавки дать ей белые нитки и казалась настолько прекрасной, что производила впечатление нереального видения. Молодой англичанин замер в восхищении и не мог отвести от нее взгляд. Ему показалось, что еще никогда он не видел столь красивой девушки, и в будущем не увидит женщины, которая могла бы сравниться с нею.

Прижимистый Демьян Капитонович тоже был мужчиной и также поддался женскому очарованию просительницы, ее обольстительным улыбкам. Ворча себе что-то под нос, он пошел на склад за нитками, а Лица осталась ожидать его, рассматривая прилавок. Тоскующим взглядом она посмотрела на нарядную фабричную коробку с изображением земляники. В нее упаковали настоящее парфюмерное мыло, но оно было совершенно недоступно ей. Приходилось пользо-

ваться дешевым серым мылом, сваренным из костей животных и имеющим крайне неприятный запах, но даже такой продукт для стирки казался ей чересчур дорогим.

Молодой лорд Трентон, стоя в темном углу, жадно разглядывал девушку, не подозревавшую о его присутствии. Что-то в ней, в ее фигуре, показалось Николасу неувлимо знакомым, но, как он не напрягал свою память, не мог вспомнить, где он повстречал ее.

Наконец Волков вернулся и, подавая оба мотка белых ниток Лике, хмуро сказал ей:

– Вот ваш товар, Гликерия Яковлевна. И учтите, больше ничего в долг не дам, сколько не просили бы.

Названное торговцем имя девушки послужило озарением для Николаса. Оно помогло молодому англичанину понять, кто находится перед ним. Он в изумлении открыл рот, не в силах поверить тому, что жуткая неряха, на которой он не захотел жениться и это небесной красоты создание – одна и та же русская барышня. Теперь его предполагаемая будущая жена прилась ему весьма по вкусу. Ее же умом и находчивостью, благодаря которым она его так ловко обставила, он просто восхитился.

Лица тихо поблагодарила Волкова за его нелюбезную любезность, и вышла на улицу, полную мороза, полярной ночи и снега. Николас очарованный, безоглядно влюбленный, последовал за нею.

Девушка медленно шла по улице, устало опустив голову. Унизительный разговор с торговцем совершенно вымотал ее, и молодой лорд Трентон в два счета нагнал ее.

– Глика Яковлевна, здорово же вы разыграли меня. Я чуть было не поверил, что вы – самая страшная невеста на свете, – весело сказал он ей, поравнявшись. – Сейчас понимаю, что вам не хотелось платить долги отца своей прелестной особой, но от судьбы, как говорите вы, русские, не уйдешь.

Лица, вздрогнув от внезапного звука его голоса, чуть было не уронила свою сумку. Только этого ей не хватало! Как раз меньше всего Лике хотелось встретиться с этим английским аферистом.

– Почтеннейший, вы должно быть ошиблись. Я вас не знаю, – высокомерно сказала она, решившись отпираться от него до конца. Тогда может этот авантюрист отстанет от нее.

– Зато я очень хорошо знаю вас, Глика, и постараюсь, чтобы вы хорошо узнали меня, – не смущаясь ее холодным тоном, произнес Николас. – Тогда вы непременно перемените свое решение и захотите выйти за меня замуж.

Вот нахал! У Лици даже дух захватило от его самоуверенности и еще больше разгорелось желание дать ему достойный отпор.

– Любезнейший, вы заблуждаетесь. Ни за вас, ни за кого другого я замуж не собираюсь идти. Так что не тратьте напрасно свое время, – сквозь зубы процедила она, окинув навязчивого ухажера неприязненным взглядом. Но холодность Лици еще более раззадорила Николаса, и он пошел рядом с нею, развлекая ее разговором о всяких пустяках. Смирившись с тем, что тайна ее личности раскрыта и от чересчур настойчивого искателя ее руки она так просто не отделается, Лица молчала и только прибавила шагу, торопясь домой. Она еле дождалась, пока не показался дом Кудрявцевых и, не прощаясь со спутником, она скользнула в его прихожую.

Николас с сожалением посмотрел ей вслед и побрел назад. В его голове начал складываться план по завоеванию несговорчивой красавицы и, когда он снова вошел в лавку Волкова, то запросил коробку с земляничным мылом, которой любовалась Лица, начисто забыв о сигаретах, за которыми он пришел сюда.

– Двадцать червонцев, – предупредительно сказал ему Демьян Капитонович, подавая товар. Расплачиваясь за покупку, Николас спросил у него:

– А что, дочь Якова Кудрявцева много задолжала вам?

– Скоро сотня наберется, – горестно вздохнул Волков. – Да не только мне должны Кудрявцевы – еще мяснику, бакалейщику Маслову и сапожнику Федотову. Безнадежные долги!

– Я плачу долги Глики Яковлевны, – быстро отозвался молодой лорд Трентон. Отсчитав обрадованному Волкову сто рублей, он прибавил, не взяв сдачи: – Давайте барышне все, что она у вас попросит, а счета отсылайте мне.

На следующий день Николас в знак мира и своих добрых намерений понес коробку с мылом Лике, но гордая девушка отказалась взять его подарок. Молодой человек не отчаялся холодностью возлюбленной и решил действовать окольными путями – стать своим человеком в доме Кудрявцевых.

Яков Степанович поначалу воспринял появление Николаса Трентона с заметной робостью. Он помнил, что должен отдать этому молодому англичанину либо свою дочь, либо десять тысяч рублей. Долг же был совершенно неподъемным для Кудрявцева; он не то что никогда не имел этих денег, но даже не видел этой суммы в банкнотах. Вся хозяйственная изворотливость Лики не могла бы погасить этот долг, и Яков Степанович клял про себя нечистого, который дернул его за язык назвать такую колоссальную ставку в карточной игре. Он просто не мог признаться дочери, какую сумму он проиграл на этот раз. Однако, убедившись в том, что Николас, связанный обещанием Лике не думает настаивать на своих требованиях, а желает покорить ее сердце предупредительной галантностью, Кудрявцев повеселел, и постоянно приглашал молодого человека выпить за знакомство. Лорд Трентон то и дело учтиво отказывался от столь лестного предложения будущего тестя, пытавшегося его сподручить, и в то же время он не упускал из вида остальных обитателей дома Кудрявцевых и легко завоевал их расположение. Денщику Мирону Николас отсыпал махорки, Илюше дарил пятак на леденцы. Он обаял даже строгую кухарку Варвару и свои следующие дары в виде конфет, чая и сахара давал ей, зная, что преданная служанка непременно поделится ими с барышней. Варвара не замедлила прийти от него в восторг, но Лика по-прежнему держалась с ним отчужденно. Британская настойчивость молодого Трентона столкнулась с русским упрямством дочери Кудрявцева и не могла его преодолеть. По мнению Лики, порядочный мужчина не будет добиваться руки девушки, выигрывая ее в карты, и Николас Трентон в ее глазах был сомнительным авантюристом, проходившем, от которого надо держаться подальше. И она избегала его всеми силами. К тому же ей не нравились жгучие брюнеты, они были не в ее вкусе.

После месяца бесплодных ухаживаний Николас понял, что нужно прибегнуть к более решительным способам воздействия и попросил Петровича пригласить в трактир Лику от своего имени, намереваясь устроить для нее романтический обед.

– Я же не сводник какой-нибудь, господин Трентон, – поначалу не согласился с ним хозяин трактира. – К тому же я вижу, что не лежит у Лики к вам душа. Оставили бы вы уже девушку в покое, она и так многое терпит от своего беспутного отца.

– У Гликерии Яковлевны душа не лежит не ко мне, а к мужчинам вообще, – не согласился с ним лорд Трентон. – Она на нашего брата даже смотреть не хочет. Так помогите же мне переубедить ее. В замужестве со мной ей будет явно лучше, чем с безалаберным отцом. Я закажу у вас для нее праздничный обед, и ее сердце не устоит. Путь через желудок лежит к сердцу не только мужчины, но и женщины, хотя прекрасные дамы скорее умрут, чем в этом признаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.